

Глава 20. Жить за него

Бушевал неистовый ветер, вздымая тучи песка и щебня.

Бо, завидев приближающиеся стены смертоносных атак, поспешно выкрикнул:

— Это недоразумение! Я веду его на помощь!

— Верно, он не причинил мне вреда! — отозвался Цзян Чаншэн, опасаясь, что Мо Ци в порыве ярости прихлопнет и бедного Бо.

Мо Ци прищурил алые глаза.

— Я сам его доставлю, — бросил он и в то же мгновение перехватил Цзян Чаншэна.

Бо опешил:

— Да разве ты знаешь дорогу? — С этими словами он рывком вернул юношу себе.

— Тебя не касается! — отрезал Мо Ци, повторяя маневр.

Два зверя неслись на запредельной скорости, вырывая Цзян Чаншэна друг у друга. Бедный лавочник ощутил, как в глазах зарябило, а голова пошла кругом.

— Успокойтесь вы оба... — из последних сил пробормотал он.

Практики в пылу сражения на мгновение отвлеклись, с недоумением наблюдая за этой картиной.

— Что они творят? — выдохнул кто-то.

Ли Хунгуан тоже пребывал в растерянности. Цзян Чаншэна перебрасывали туда-сюда, точно мяч для цуцзюй. Неужто два древних зверя решили поиграть в разгар бойни? Да быть того не может.

«Должно быть, это какая-то неведомая мне техника?» — гадал он.

Шэнь Сянь, повидавший на своем веку немало, тоже впервые столкнулся с подобным. Помедлив, он веско произнес:

— Вероятно, это некий ритуал древнего построения.

Остальные практики лишь почтительно кивнули: «Поистине, помыслы такого мастера, как даос Цзян, нам не дано постичь». С этим убеждением они вновь сосредоточились на битве.

Цзян Чаншэна тем временем несли всё ниже, к подножию Куньлунышаня. Лицо его под порывами ледяного ветра стало мертвенно-бледным. В какой-то момент, когда звери в очередной раз не поделили ношу, Бо зазевался, и юноша выскользнул из его хватки.

Цзян Чаншэн полетел вниз, в бездонную пропасть.

«Ну вот и всё... Жизнь — штука тяжелая», — мелькнуло в голове.

Он обреченно зажмурился, чувствуя свист ветра в ушах, но в следующее мгновение Цюнци нагнал его, подхватил в пасть и стремительно спикировал в самую бездну.

У подножия Куньлунышаня царила пронизывающая стужа, а мрак был непроглядным. Когда Цзян Чаншэн коснулся земли и пришел в себя, перед ним выросла монолитная каменная стена.

Мо Ци одним ударом разнес преграду в щепки. Он принял человеческое обличье; по его темным одеждам пробегали тусклые сполохи света.

— Он должен быть где-то в глубине, — произнес подоспевший Бо.

Воздух здесь застыл, скованный ледяным холодом. Впереди тянулся длинный коридор, озаряемый призрачным сиянием жемчужин ночного света.

«Неужели Инчжао и впрямь томится здесь?» — гадал Цзян Чаншэн.

Внезапно до его слуха донесся странный звук, похожий на скрежет колодезного ворота — тот самый звук, что он слышал, едва ступив на гору.

В конце галереи Цзян Чаншэн наконец увидел его: существо с телом коня и человеческим лицом. За спиной зверя покоились птичьи крылья, масть его была испещрена тигриными полосами.

Всё тело Инчжао покрывали бесчисленные фулу, а под ним мерцали слои сковывающих заклинаний. При виде незваных гостей древний дух яростно сверкнул глазами.

***

Тем временем на склонах Куньлунышаня грохот взрывов не смолкал ни на миг. В вихре сталкивающихся сил один за другим падали сраженные практики.

Дань Синьцзэ утер кровь с губ, бессильно опустившись на землю. Его внутренности были изранены, силы исчерпаны до капли. Теперь он был бесполезен.

Он лгал Цзян Чаншэну.

Человек, подобный ему — вечный скиталец, познавший всю горечь и холод людской природы, — никогда бы не поверил в сказки о том, что «вера в себя творит чудеса».

Он пришел сюда, заранее смирившись со смертью.

Кровь продолжала толчками выходить из ран. Дань Синьцзэ прищурился, глядя на рой Циньюаней, и вдруг вспомнил тот день. Вспомнил того, кто заслонил его собой.

«Без зазрения перед небом и землей, верный собственному сердцу?»

Дань Синьцзэ горько усмехнулся: он так и не сумел стать таким. Он остался обычным, эгоистичным практиком.

«Если бы только время можно было повернуть вспять...»

Он искренне хотел, чтобы в тот день погиб он сам. Впрочем, неважно. Сегодня он выплатит долг сполна.

Вдруг над полем боя поплыл мелодичный звон колокольчиков. Перед ним возникла девушка Луань-няо. Взмахами рук она соткала потоки света, отбрасывая ядовитых тварей прочь.

— Живи во что бы то ни стало, — мягко проговорила она, заглянув в его гаснущие глаза.

Лежа в луже собственной крови, Дань Синьцзэ подумал, что, должно быть, исчерпал удачу всей своей жизни на эти несколько дней. Стоило ему пожелать смерти, как его раз за разом вырывали из её лап.

— Не сдавайся. Самый густой мрак рассеивается перед рассветом, — Луань-няо взмахнула крыльями, защищая его, и бросила взгляд на горизонт.

Дань Синьцзэ не сдавался. Он просто... отказался от себя.

От того мальчишки, которого семья выставила за дверь из-за нищеты; от того ученика,

которого наставник бросил из-за отсутствия таланта...

Вся его жизнь была чередой чужих отказов. Один раз его спасли, но он был подобен сухой траве в пустыне: корни иссохли слишком давно, и последние крохи сил были на исходе.

Он вспомнил И Чифэна, и в груди закололо от вины. Ему казалось, что тот спас не того человека.

В этот момент практики, сохранившие остатки сил, сгрудились вместе, выставив мечи против врага. Ли Хунгуан, чей доспех был залит кровью, шагнул по телам павших и кивнул Шэнь Сяню.

— Защищайте раненых. Бьемся до последнего вдоха! — выкрикнул он и бросился в атаку.

Орден Сокровенного Духа знал немало гениев, но еще больше его сынов полегло на пути совершенствования. В первый же день наставники говорили им: «Те, кто вошел в наши врата, — не из простых смертных. Но лишь единицам суждено достичь бессмертия и вписать свое имя в летопись ордена. Однако смысл жизни практика не в таланте и не в высоте ступени. Меч обнажают, чтобы восстановить справедливость в Поднебесной и защитить слабых. Вы не обязаны стать героями, но вы обязаны быть верны своему Дао».

Не все следовали этому пути, были и те, кто искал лишь выгоды. Но в это мгновение Ли Хунгуан чувствовал: его сердце чисто.

Ослепительный блеск мечей пронзил тьму!

Ли Хунгуан возглавил строй. Практики сражались в крови, сомкнув ряды в кольцо, внутри которого укрыли раненых и павших без чувств. Дань Синьцзэ, лежа среди них, почувствовал, как зрение затуманивается.

Гремели взрывы, земля взлетала на воздух от столкновений духовной энергии. Люди были на пределе, но никто не отступил ни на шаг.

Внезапно один из защитников рухнул от изнеможения. В круговом строю зияла брешь, и полчища свирепых тварей, почуяв слабость, с ревом хлынули в пролом!

«Конец», — мелькнуло в голове Ли Хунгуана. В его обычно твердом взгляде отразилось отчаяние.

И именно в этот миг с небес раздался громовой клич. На спине могучего Мо Ци перед ними предстал Цзян Чаншэн.

А рядом с ними летело исполинское крылатое существо с тигриными полосами на шкуре.

Инчжао издал странный, протяжный крик. Едва этот звук достиг ушей зверей Куньлуньшаня, они замерли как вкопанные. Атаки прекратились; хищники застыли в оцепенении, уставившись на своего законного повелителя.

Цзян Чаншэн коснулся земли. В этот миг тьму ночи начали прорезать первые лучи. Край небосвода окрасился в нежные розово-золотые тона — занималась заря. Предрассветные сумерки отступали перед торжествующим сиянием востока, и облака вспыхнули ярким огнем.

Лавочник подошел к Дань Синьцзэ, чьи глаза покраснели от слез.

— Ты как? — спросил он.

Тот лишь молча покачал головой.

Цзян Чаншэн посмотрел на него и тихо произнес:

— Раз уж ты выжил, то живи за него.

Стань таким же человеком, каким был он.

В ту же секунду Цзян Чаншэн ощутил, как его окутывает странное, благодатное тепло. События на Куньлуньшане затронули судьбы многих людей. Спасение крестьян и практиков, совершенное им — пусть и ненамеренно, — нашло отклик в самом Небесном Пути.

Сверху на него незримым потоком изливалась чистейшая сила заслуг...

<http://bllate.org/book/17549/1712414>